

Георгий Почепцов

ВИРТУАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ. ФЕЙКИ

Современные технологии

Георгий Почепцов

Виртуальные войны. Фейки

«ОМІКО»

2019

УДК 004 + 621.39

Почепцов Г. Г.

Виртуальные войны. Фейки / Г. Г. Почепцов — «ОМІКО»,
2019 — (Современные технологии)

ISBN 978-966-03-8600-6

Георгий Почепцов – доктор филологических наук, профессор, автор пятидесяти книг на тему информационных войн, пропаганды, теории коммуникации, информационных и коммуникативных технологий. Заслуженный журналист Украины, член Национального союза писателей. В издательстве «Фолио» вышла его книга «Пропаганда 2.0». Вместе с Интернетом и социальными медиа в наш мир пришли виртуальные войны и фейки. Иногда они становились важным фактором политики. Это были российские информационные вмешательства в американские и французские президентские выборы и референдумы (Брекзит и Каталония). Сегодняшний мир перешел не только от правды к постправде, но и от фейка к постфейку. Виртуальные войны представляют собой войны без применения оружия. Это делает возможным их применение не только во время войны, но и в мирный период. Виртуальные войны формируют сознание людей, что приводит к трансформации их поведения. Они могут прийти в наш дом как с помощью традиционных медиа, так и через социальные медиа. Эти инструкции по смене поведения могут содержаться в книге, телесериале, песне.

УДК 004 + 621.39

ISBN 978-966-03-8600-6

© Почепцов Г. Г., 2019

© ОМІКО, 2019

Содержание

Введение	7
Глава первая	8
1. Как виртуальные коммуникации строят и разрушают миры	8
2. Виртуальные войны: непобедимых в них не бывает	14
3. Особенности виртуальных интервенций	20
Глава вторая	26
1. Игры взрослых людей, или виртуальность и ее моделирование с помощью политических игр	26
2. Перестройка как вариант виртуальной войны	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Георгий Почепцов

Виртуальные войны. Фейки

© Г. Г. Почепцов, 2019

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2019

© Издавництво «Фолио», марка серии, 2019

Введение

Всему поколению, жившему в СССР, была хорошо известна песня «Если завтра война», житейская мудрость «Лишь бы не было войны», раскрывающие войну как главную опасность, к которой надо быть всегда готовыми. Но это не касается виртуальных войн, поскольку те происходят и во время мира, а потому сопровождают человечество все время. Физическая война может развиваться молниеносно, виртуальная война может длиться десятилетиями.

Любая цивилизация всегда стремилась к своему расширению. Она делает это либо физическим инструментарием, захватывая чужие территории, либо информационным инструментарием, бомбардируя нас рассказами о происшествиях в других странах, либо виртуальным инструментарием, например, с помощью телесериалов, поработавшая наши головы так, как раньше это делали чужие религия и идеология. И сегодня именно виртуальный инструментарий стал основным средством, часть его в виде образования, культуры, спорта даже была выделена в инструментарий мягкой силы, которую все страны используют, особенно там, куда собирается идти их бизнес, как это делает, к примеру, Япония.

Виртуальное оставляет свои физические следы в виде памятников, названий улиц и городов. Виртуальное порождает новые поколения, которые живут с другой картиной мира в голове. А при другой карте они идут совершенно другими дорогами.

Мир сегодня столкнулся с ускорением всех ситуаций, как развития, так и угасания стран. Традиционные методы государственного управления могут лишь фиксировать происходящее, но практически не способны повлиять на него. Мир движется вне государственного контроля, поскольку он приходит слишком поздно, когда уже ничего изменить нельзя. Это связано с возрастанием роли как информационного, так и виртуального компонентов, которые способны трансформироваться быстрее физического компонента, на который и было ориентировано госуправление. Государство пытается решить эту задачу увеличением числа госслужащих, но это путь тупиковый, поскольку никак не меняет инструментарий, которым они оперируют.

Автор выражает благодарность интернет-изданию «Детектор медиа» за многолетнее сотрудничество.

Глава первая

Виртуальные коммуникации

1. Как виртуальные коммуникации строят и разрушают миры

Мы привыкли к тому, что виртуальные объекты не имеют того влияния, что физические или информационные. Направленный на тебя пистолет со словами «гони монету», несомненно, очень убедителен. И даже в теории принудительной дипломатии есть требование подкреплять угрозы реальным передвижением войск, чтобы быть убедительнее [1].

Физическое оружие направлено на уничтожение физического объекта – тела человека. Информационное и виртуальное влияют на принятие решений человеком: одно предоставляет для этого текущую информацию, другое – неизменные характеристики.

Информационная картина мира – это сегодняшняя картина мира, завтра она будет другой. По этой причине мало кому нужна вчерашняя газета. Виртуальная картина мира носит более долговременный характер: она была вчера и будет такой завтра. Это, скорее, понимание мира, чем его сегодняшнее видение.

Информационная картина мира встретится в газете, в теленовостях, на сайте. Виртуальная картина мира будет реализовываться в книгах, телесериалах, памятниках. Это все то, что не изменится, как правило, на завтра, а останется и для следующих поколений, поскольку является не кратковременным, а долговременным продуктом. Несколько утрируя, можно утверждать, что информационный мир работает на нынешнее поколение, виртуальный – на завтрашнее. То есть каждое поколение пользуется новым сегодняшним информационным представлением, которое динамично меняется, и пришедшим из вчера виртуальным, трансформирующимся очень медленно.

Информационное отличается от виртуального, как тактическое воздействие от стратегического. Ведь виртуальное пространство – это религия и идеология, которые имеют дело с сакральными ценностями, за покушение на которые любое общество серьезно наказывает. Это защищенные ценности, которые удерживаются при переходе от поколения к поколению.

В ситуации революций происходит смена сразу двух картин мира – информационной и виртуальной, с помощью которых реинтерпретируется и физическое пространство. Ведь не зря после 1917 года выполнялось требование футуристов «сбросить с корабля современности» всю старую культуру. Хотя, как отмечала Г. Иванкина, СССР парадоксальным образом сохранил «дворянскую культуру» в виде литературы и искусства [2–5].

В подтверждение можно привести такую ее цитату: «Большевистский СССР оказался единственным социумом XX века (за исключением Англии, наверное), где хранились и пестовались аристократические вкусы. Но есть нюанс: в советской системе эти привычки прививались всему народу, а не только высшей элите».

Таким образом, увеличивается разрыв между информационным представлением, где буржуев и дворян надо было уничтожать, и виртуальным, где они не прямо, а косвенно становятся образцом для подражания, ведь все классические герои типа Евгения Онегина являются «врагами» с точки зрения новой виртуальной картины мира. То есть песенный призыв «мы наш, мы новый мир построим» сработал только для информационной картины мира, а виртуальная была существенно сохранена, хотя и подвергалась массовому разрушению на первых порах.

Следует признать, что перед нами определенный вариант квазипостколониальной модели, когда освобождение от колониальной зависимости сохраняет чужую культуру. Правда, колонизаторов в классическом виде в этом случае не было.

И все это, кстати, объясняет странный феномен достаточно высоких образцов советского искусства в кино и литературе. С одной стороны, новых творцов воспитывали те, кто сами получили образование в старой России. С другой – виртуальные образцы оказались не затронутыми революционными трансформациями из-за данного странного симбиоза «дворянское + революционное».

Виртуальное живет отдельно от информационного и физического. Голодающий человек, то есть физически находящийся на нуле, может обладать высокими виртуальными ценностями. Существует даже условная истина, что художнику голод полезен. И Сталин, урезая гонорары писателям, обосновал это тем, что при больших гонорарах писатели, написав одну книгу, ничего больше делать не будут.

Виртуальные ценности очень хорошо транслируются через любые кордоны и запреты. Но, как оказывается, и через времена. Вот еще одна цитата из Г. Иванкиной: «В Советском Союзе победила именно эта концепция культурничества – привитие победившему классу утонченных вкусов и лучших навыков побежденных, уничтоженных сословий. Не отрицание, но тщательная фильтрация. Так, Пушкин из бытописателя праздных денди, барышень-крестьянок и легконогих нимф превратился в яростного борца с самодержавием, а говоря о придворном композиторе Людовика XIV – Жане-Батисте Люлли, всегда подчеркивалось, что он – родом из флорентийских крестьян (сейчас о нем непременно сообщают, что он был гомосексуалистом – почувствуйте разницу)» [3]. Кстати, как видим, в биографиях прошлого акцентируется виртуальный элемент, который значим для сегодняшнего дня. Однотипно история России времен Сталина стала историей не царей, а народно-освободительного движения.

Сегодня все говорят об информационных интервенциях, но большая часть из них была смысловыми интервенциями, когда информационно переносились именно смыслы, то есть смысловая интервенция представляет собой сочетание информационной и виртуальной составляющих. Чисто информационная интервенция нужна для воздействия, например, на принятие решений военным, но воздействие на население всегда будет смысловой интервенцией.

Кибератаку мы можем рассматривать как сочетание информационного и физического, поскольку она направлена на физическую трансформацию информационных ресурсов. В отличие от нее чисто информационная и виртуальная интервенция имеют своей целью когнитивное пространство или массового, или индивидуального сознания.

Украина обладает общей информационной картиной мира, но разные ее регионы имеют разную виртуальную картину мира, хотя каждый майдан способствовал выравниванию этой виртуальной картины мира, увеличивая долю общих представлений и оттесняя различающиеся.

Виртуальная картина мира носит не просто ценностный характер, в ней содержатся причины и следствия событий, которые фиксирует информационная картина мира. Тогда в голове возникает нарратив, из которого становится ясно, почему это произошло и каковы могут быть последствия. Именно на этом уровне происходит определение того, является ли страна, вторгшаяся на территорию другой, «захватчиком» или «освободителем».

Тоталитарные государства очень серьезно относятся к своей виртуальной картине мира. Сталин повторил модель экспансии из геополитики к виртуальной политике, когда все изображения, например, оказывались родом из России, а СССР был впереди планеты всей.

Несогласные с этой виртуальной моделью могли распрощаться с жизнью, как это произошло с талантливым физиком М. Бронштейном, который стал врагом народа, поскольку «отказался от требования издательства переделать повесть «Изобретатели радиотелеграфа» и напи-

сать, что Маркони просто-напросто украл у Попова его изобретение. Бронштейн в ответ назвал подобный «патриотизм» фашистским» [6].

Логика физического мира легко нарушается в логике мира виртуального. В советской модели многие отрицательные события превращались в позитивные, поскольку акцентировался героизм преодоления трудностей, а отрицательные аспекты отходили на второй план, а то и вовсе исчезали. Наиболее ярким примером этого можно считать превращение гибели Челюскина в героический процесс спасения челюскинцев, что даже привело к появлению первых героев СССР – летчиков, награжденных соответствующим званием и орденом Ленина.

Физический мир трансформируется под потребности виртуального. Гитлеру перед концом войны, например, сооружали кабинет размером в тысячу метров. Гитлер хотел отказаться от проведения Олимпиады, но Геббельс убедил его не делать этого: «Министр объясняет Гитлеру, что Олимпиада может стать мощным двигателем нацистской пропаганды. Масштабное событие окажет влияние на репутацию страны и покажет ее величие. По мнению Геббельса, Олимпийские игры представят новую Германию: стремящуюся к миру, не раздираемую внутренними политическими конфликтами, с сильным народом и лидером. Положительный имидж для страны – это выход из политической изоляции, налаживание экономических контактов и, как следствие, – приток капиталов, в которых Германия так остро нуждается. Гитлер соглашается с помощником и дает добро на подготовку к Играм» [7].

Виртуальность тогда выстраивалась по следующим лекалам: «необходимо развить идею о взаимосвязи между Олимпиадой в Древней Греции и Третьем рейхе. В СМИ культивируют образ идеального, в том числе и физически, арийца. Ориентиром выбрана античность, в скульптурах которой подчеркнута сила. Немцам твердят: Третий рейх – наследник Священной Римской империи германской нации, а следовательно, ее культуры и мощи. Выступая по радио с обращением к немецкому народу, Пьер де Кубертен говорит: олимпизм станет новой религией».

Особенно чувствительны к виртуальности литература, кино, архитектура и искусство. Их произведения наглядны, визуальны и эмоциональны, что позволяет влиять на человека непосредственно, вне его контроля. Эмоцию «гасит» рацию, делая свободным перемещение смыслов.

Сталинские высоты росли ввысь, метро поражаало своими подземельями. Как отмечают сегодня, вспоминая ключевые виртуальности того времени: «Если пользоваться стереотипными определениями газетных передовиц – в стране существовали «нерушимые границы», содержащиеся исключительно «на замке»; «братские народы», число которых старательно сводилось к минимуму (как с помощью уловок в переписи, так и чисто физически), окружали «старшего брата» – «великий русский народ». В «сердце страны» располагался великий город – «порт пяти морей» и, наконец, в точке схода всех линий помещался Кремль с вечно бодрствующим Сталиным» ([8], см. также [9-13]).

Самая высшая точка СССР именовалась пик Сталина, потом она стала пиком Коммунизма, а после распада СССР уже в Таджикистане пиком Исмаила Самани, эмира из династии Саманидов. То есть изменить физическую реальность нельзя, зато ее можно бесконечное число раз переименовывать, чтобы удовлетворять требованиям новой виртуальности. Именно виртуальность приносит радость массовому сознанию.

Смены виртуальности можно увидеть не только по своим произведениям, но и по тем, которые переводятся в стране. Возьмем переводы американской литературы в СССР. Понятно, что любовь довоенного времени отражает «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида. Потом героиню подвига сменила героиня труда. На смену Павке Корчагину пришли живые герои из жизни – Паша Ангелина и другие. Следующие два американских текста – это Джек Лондон, повествующий о сильных и бесстрашных людях. А потом появляется Хемингуэй,

борода которого даже перекачывалась с портретов в жизнь. Это было время начального периода безгероики, стилиз, впитывания элементов чужой жизни.

Виртуальность усиливается средствами литературы, искусства, кино. В этом случае она обретает материальность, доступную для глаз. И это происходит во все эпохи. Вспомним, что строительство соборов подрывало экономику средневековья, но все равно происходило. Это было наглядной иллюстрацией мощности данной религиозной доктрины в эпоху отсутствия кино и телевидения.

Виртуальность распространяет свою силу в разные стороны. Протестантизм плюс капитализм создал сильные страны, чего не удалось сделать другим религиям, даже близкому католицизму. Если не на религии, то на идеологическом стержне был выстроен и СССР. И эту идеологическую квазирелигию следовало создавать с чистого листа. Падение СССР можно было осуществить только изнутри с помощью перестройки за счет введения новых виртуальностей и свержения старой. Причем делал это так называемый «архитектор перестройки» А. Яковлев, который большую часть своей жизни занимался в ЦК именно пропагандой, то есть, по сути, руководил виртуальной квазирелигией советского времени.

Причем через века повторяются и формы, в которые облачается виртуальность. Понятно, что в первую очередь это нарратив, который носит универсальный характер. Но, как оказалось, это и сериальность, поскольку литературные произведения девятнадцатого века печатались в медиа своего времени по частям (см. анализ с этой точки зрения «Войны и мира» и «Евгения Онегина» [14–15]).

Новая послереволюционная литература подвергалась суровой политической цензуре. Даже детская литература в СССР не оставалась без подобного присмотра. Ярким примером объекта политических нападков были, к примеру, сказки К. Чуковского [16–18]. Н. Крупская даже выступила в 1928 г. в газете «Правда» со страшными для того времени словами, громившими «Крокодила»: «Звери под влиянием пожирателя детей, мещанина-крокодила, курившего сигары и гулявшего по Невскому, идут освобождать своих томящихся в клетках братьев-зверей. Все перед ними разбегаются в страхе, но зверей побеждает герой Ваня Васильчиков. Однако звери взяли в заложницы Лялю, и, чтобы освободить ее, Ваня дает свободу зверям:

«Вашему народу
Я даю свободу,
Свободу я даю!»

Что вся эта чепуха обозначает? Какой политической смысл она имеет? Какой-то явно имеет. Но он так заботливо замаскирован, что угадать его довольно трудно. Или это простой набор слов? Однако набор слов не столь уже невинный. Герой, дарующий свободу народу, чтобы выкупить Лялю, – это такой буржуазный мазок, который бесследно не пройдет для ребенка. Приучать ребенка болтать всякую чепуху, читать всякий вздор, может быть, и принято в буржуазных семьях, но это ничего общего не имеет с тем воспитанием, которое мы хотим дать нашему подрастающему поколению. Такая болтовня – неуважение к ребенку. Сначала его манят пряником – веселыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдет бесследно для него. Я думаю, «Крокодил» ребятам нашим давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть» [19].

Сегодня это воспринимается как какая-то пародия. Но тогда все это было достаточно серьезно. К травле подключилась и А. Барто. Все это было достаточно серьезным обвинением в накаленной политической обстановке того времени.

В 1929 году Чуковскому пришлось публично выступить с такими покаянными словами: «Я писал плохие сказки. Я признаю, что мои сказки не годятся для строительства социалисти-

ческого строя. Я понял, что всякий, кто уклоняется сейчас от участия в коллективной работе по созданию нового быта, есть или преступник, или труп. Поэтому теперь я не могу писать ни о каких «крокодилах», мне хочется разрабатывать новые темы, волнующие новых читателей. В числе книг, которые я наметил для своей «пятилетки», первое место занимает теперь «Веселая колхозия» [20].

Крупская обвиняла текст для детей по программе строительства мира для взрослых. Она хотела внедрения новой виртуальности, которая была нужна, например, газете, не просто в художественный текст, а в текст для детей. Обратим внимание также и на то, что до 1937 года было почти десять лет, так что репрессивная машина удержания новой виртуальности работала все время. Печать книг Чуковского приостановилась, некоторые книги подверглись запрету.

Появление статьи в «Правде» имело предысторию. Когда Чуковскому задержали печатание «Крокодила», и он узнал, что текст находится у Крупской, то пошел к ней. И вот запись из его дневника 1927 года: «Приняла любезно и сказала, что сам Ильич улыбался, когда его племянш читал ему моего «Мойдодыра». Я сказал ей, что педагоги не могут быть судьями литературных произведений, что волокита с «Крокодилом» показывает, что у педагогов нет твердо установленного мнения, нет устойчивых твердых критериев <...>. Эта речь ужаснула Крупскую. Она так далека от искусства, она такой заядлый «педагог», что мои слова, слова литератора, показались ей наглыми. Потом я узнал, что она так и написала Венгрову в записке: «Был у меня Чуковский и вел себя нагло»».

Эта борьба на, казалось бы, самом узком участке литературы была важна, поскольку и здесь был свой пантеон, и его приходилось все время менять: «Основоположники советской детской литературы Чуковский, Маршак», потом «Маршак, Чуковский», затем – «Маршак, Михалков, Барто, Чуковский», а после войны – «Михалков, Барто, Маршак и др.» [21].

Художественные произведения в принципе сопротивляются вторжению прямой пропаганды, поскольку это уничтожает саму суть художественного. Как следствие, оно теряет своего читателя в случае книги или зрителя в случае кино. В художественной книге читатель хочет видеть не повтор действительности или пропаганды, как это было с соцреализмом, а иной мир.

Виртуальный мир в любом случае присутствует в разуме человека. Он может повторять доминирующий в обществе и государстве вариант, а может противоречить ему. Противоречащие взгляды сразу начинают корректироваться мощными медиа, оставляя тем, кто против, только слабые возможности для тиражирования своих взглядов.

Более тридцати лет назад Н. Постман предупреждал о последствиях телевидения, говоря, что мы становимся культурой, в которой информация, идеи и эпистемология порождаются телевидением, а не книгами [22].

Л. Стрейт объясняет его подход двумя составляющими [23]. С одной стороны, базируясь на картинке, телевидение не поддерживает рациональный, логический дискурс. С другой стороны, это скорость подачи информации, которая не дает возможности раздумывать.

Сегодня можно сказать, что соцмедиа во многом усилили предложенные телевидением правила информационной игры, сделав человечество заложником.

Литература

1. George A. L. Forceful persuasion. Coercive Diplomacy as an Alternative to War. – Washington, 1991.
2. Иванкина Г. Честь, служение, самоотречение. Дворянские ритуалы советского общества // zavtra.ru/blogs/galina-ivankina-chest-sluzhenie-samootrechenie-2013-01-24-014706.
3. Иванкина Г. Советская культура как дворянская эстетика // www.ridus.ru/news/191190.
4. Иванкина Г. Хруст французской булки // zavtra.ru/blogs/hrust-frantsuzskoj-bulki.

5. Иванкина Г. СССР как новое прочтение Российской империи // cont.ws/@russkoeobozrenie/90985.
6. Риц Е. Расстрел рядового гения // jewish.ru/ru/people/science/185722/.
7. Борисова А. Раса чемпионов. Кто разрешил Гитлеру провести олимпиаду, и чем это закончилось // lenta.ru/articles/2018/03/30/hitler_olympic/.
8. Тарханов А. и др. Сталинская архитектура: образы рая и ада // archvuz.ru/2012_33/7.
9. Комарова М. Архитектура партии: как сталинский ампи́р вел страну к светлому // style.rbc.ru/impressions/571f2edb9a79473d66b83793.
10. Хмельницкий Д. Сталин и архитектура // ricolor.org/history/rsv/good/arhi/.
11. Векслер Ю. Архитекторы Гитлер и Сталин // www.svoboda.org/a/27765862.html.
12. Басырова М. Жан-Кристоф Маснада: «Сталинская архитектура заслуживает того, чтобы ее сохранить» // theoryandpractice.ru/posts/1457-zhan-kristof-masnada-stalinskaya-arkhitektura-zasluzhivaet-togo-chtoby-ee-sokhranit.
13. Крылов А. Н. Сталинская архитектурная Византия // stalinch.ru/2017/12/26/stalinskaya-arhitekturnaya-vizantiya/.
14. Трофимова Т. Война и мир как сериал // gorky.media/context/vojna-i-mir-kak-serial/.
15. «Что будет дальше – не знаю, а пока это и манерно, и мелко». Как читали «Анну Каренину» и «Евгения Онегина» до того, как они были дописаны // www.kommersant.ru/doc/3586853.
16. Почему в СССР запрещали сказки Чуковского // arzamas.academy/materials/372.
17. Лукьянова И. В. Корней Чуковский. Тайный политический смысл // chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/bio/lukyanova/tajnyj-politicheskij-smysl.htm.
18. «Полная безыдейность, переходящая в идейность обратного порядка». Борьба с «чуковщиной» // www.kommersant.ru/doc/2675093.
19. Крупская Н. К. О «Крокодиле» Чуковского // www.chukfamily.ru/kornei/pro-et-contra/borba-za-skazku/nk-krupskaya-o-krokodile-chukovskogo.
20. Недетский детский писатель // www.myjane.ru/articles/text/?id=15950.
21. Новикова Л. Михалков, Барто, Маршак и др. // iz.ru/news/521167.
22. Postman N. Amusing Ourselves to Death. – New York, 1986.
23. Illing S. How TV trivialized our culture and politics // www.vox.com/conversations/2017/5/8/15440292/donald-trump-politics-culture-neil-postman-television-media.

2. Виртуальные войны: непобедимых в них не бывает

Виртуальное пространство имеет важное отличие от пространств информационного и физического: оно всегда привлекает, а не отталкивает, как это иногда бывает с информационным или физическим, которые часто навязываются человеку. Мы сами стремимся в виртуальность, даже отдавая свои деньги за то, чтобы погрузиться в нее: увидеть фильм, прочесть книгу, сыграть в видеоигру и т. д. Правда, виртуальное пространство на одном полюсе имеет «Гарри Поттера» как пример виртуальной продукции, добровольной для потребления, но на другом – религию и идеологию, которые в далеком прошлом были более чем обязательны для каждого.

Сегодня потребление в виртуальном пространстве формируется в основном на добровольной основе, однако те или иные виртуальные продукты, приходящие извне, могут конфликтовать с национальной виртуальной системой. Реально радикальный исламизм стал ответом на столкновение двух виртуальных систем: западной и исламской.

Эту же сложную ситуацию можно увидеть на примере Ирана, который пытается выйти из подобной культурной войны созданием своих аналогов из мира виртуальности. Взамен западных кукол Барби и Кена выпускают своих Дара и Сару [1–3], взамен западной анимации развивается своя, благодаря специально созданному Институту интеллектуального развития детей и подростков (Institute for Intellectual Development of Children and Young Adults) ([4], см. подробнее о деятельности этого института [5]). Все это для того, чтобы в результате ребенок остался в окружении национального виртуального продукта вне конфликта виртуальностей, своей и чужой.

При этом анимационные фильмы работают не только для детей, например, в них Иран вступает в вооруженную борьбу то с США, то с Израилем, побеждая своих врагов [6–8]. Причем считается, что это иранский ответ на западные видеоигры. Оберегают и взрослых. При трансляции футбольного матча «размазали» сосцы волчицы на эмблеме футбольного клуба «Рома» [9]. При посещении иранским президентом римского музея обнаженные античные статуи прикрыли коробками [10]. Трансляция вручения Оскара заставила прикрыть обнаженные плечи актрисы Ш. Терон [11]. Такое столкновение двух виртуальностей можно увидеть и в российском примере, когда архимандрит спел в храме «Мурку», за что был отправлен из Московской епархии в Тирасполь [12–13]. Такое же столкновение виртуальностей можно увидеть в ситуации, когда молодые люди пытались поджарить яичницу на Вечном огне в Киеве.

Кстати, у историка В. Ключевского есть интересное наблюдение. Когда мы берем в руки иностранную вещь, мы невольно перенимаем ментальность ее создателя. Он замечал, что первые иноземные куклы появлялись в руках царевичей.

Китай в дополнение к своему кинопроизводству влияет на американское, и он может осуществлять такое влияние на американский виртуальный продукт в свою пользу, поскольку является одним из главных его потребителей [14–16]. Это явно цензура, которую можно назвать при желании мягкой. Например, из «Пиратов Карибского моря: На краю света» в китайской версии исчез лысый китайский пират. В «Людах в черном – 3» произошло то же самое, когда неприятные инопланетяне оделись, как китайские работники ресторана. В китайской версии «Скайфолла» исчезли ссылки на коррупцию и проституцию в Китае. И все это потому, что Голливуд зарабатывает на продаже билетов в Китае больше, чем где бы то ни было, кроме Северной Америки.

Это влияние на фильмы, получившие прокат в Китае. Но есть более широкий спектр китайского влияния, который можно выразить заголовком одной из газет: «Россия захватила наши выборы, Китай забирает все остальное» [17–20]. Австралия, Новая Зеландия, США, Канада фиксируют попытки Китая коррумпировать своих политиков и бизнес, университеты и think tank'и, обозначая это мягко как политику влияния, которая сильно активизировалась.

Сенатор М. Рубио говорит: «Мы много обсуждали российское вмешательство в наши выборы, но китайские попытки влияния на нашу публичную политику и наши основные свободы являются более распространенными, чем многие люди себе представляют». Возможно, в этом также лежит причина резкой реакции США в отношении тарифов [21–22]. При этом Трамп заявляет, что Америка не начинает торговую войну с Китаем, поскольку давно ее проиграла.

Теоретикам из-за этих действий Китая и России по отношению к США пришлось внести в известную классификацию Дж. Ная очередной вид силы после мягкой, жесткой и умной [23]. Новая сила обозначена как «острая» (sharp), именно она исходит от авторитарных стран.

Острая сила объясняется следующим образом: «Усилия авторитарного влияния «остры» в том смысле, что они пронзают, проникают или перфорируют информационные среды в странах-целях. В безжалостном новом соревновании, которое происходит между автократическими и демократическими государствами, методы «сильной власти» репрессивных режимов следует рассматривать как наконечник кинжала или шприц. Эти режимы не обязательно стремятся «завоевать сердца и умы», что является обычной целью для усилий «мягкой силы», но они, безусловно, ищут способы управления своей целевой аудиторией, манипулируя или отравляя информацию, которая их достигает».

Среди других характеристик острой силы называются направленность на точки разделения общества, а также, в отличие от жесткой силы, острая сила обладает определенной незаметностью. И еще одна характеристика: «С помощью острой силы обычно непривлекательные ценности авторитарных систем, которые поощряют монополию власти, контроль сверху вниз, цензуру и принудительную или купленную лояльность, направляются вовне, а те, на кого они повлияли, представляют собой не так аудиторию, как жертв».

Исследователи предлагают следующие пути борьбы, которые должны взять на вооружение все демократические государства:

- преодолевать малую информированность граждан о Китае и США,
- разоблачать авторитарное влияние,
- прививать демократические общества против вредного авторитарного влияния,
- подтверждать поддержку демократических ценностей и идеалов,
- переосмыслить понятие «мягкой силы».

Нам представляется все это достаточно важным как первый этап осмысления происходящего. Объединив разные типы подобных влияний, мы сможем четче представлять, с чем именно имеем дело, что облегчает выработку противодействия. Когда в голове есть подобный концепт, мы скорее заметим его в реальности.

Виртуальное пространство своим активным функционированием без особых дополнительных усилий выступает и в атакующей роли, и в защищающей. В норме даже в своем пассивном состоянии оно реагирует на чужое появление и проявление, как организм реагирует на инфекцию. Но такая ситуация была более характерной для прошлого, чем для сегодняшнего дня. Современность характеризуется более терпимым отношением к чужим виртуальным продуктам, если они не вторгаются в область сакральных ценностей.

В этой сфере поиска объективного понимания сакральности с помощью нейропсихологии работает С. Этрен с коллегами, которые изучили как конфликт Израиль – Палестина, так и возникновение новой сакральности – ядерной проблемы для Ирана [24–27]. Как оказалось, сакральные ценности не поддаются обмену на материальные, их невозможно оценить по монетарной шкале.

Эти исследования финансируют в том числе и военные, которые не могли понять, почему в процессе мирных переговоров невозможно поменять одни территории на другие, даже большие по размеру. Военные гранты лежат также в исследованиях по структурированию событий в нарративах с точки зрения обращения к ценностям [28].

Исследователи отмечают другой тип человеческого мышления, связанный с сакральностью: «Нарративное структурирование, которое нацелено на сакральные ценности слушателя, включая ядерные личностные, национальные и/или религиозные ценности, могут быть особенно эффективны при влиянии на интерпретацию слушателем излагаемых событий. Сакральные ценности являются такими, которые сопротивляются компромиссу, они в сильной степени связаны с психологией идентичности, эмоций, морального принятия решений и социального мышления. Мы смотрим на нарративное структурирование, которое использует сакральные отсылки, как на сакральное структурирование. Когда сакральное структурирование применяется к обычным проблемам, слушатели могут реагировать на эти проблемы по-другому, опираясь на сакральные принципы вместо использования утилитарных рассуждений» [29]. Активность мозга испытуемых при чтении разного типа историй фиксировалась с помощью МРТ.

Защитные действия против чужого вторжения можно понять, поскольку виртуальная война является сложным многоканальным и многофакторным воздействием на виртуальное пространство с целью получения результата в трансформации когнитивного пространства, который приведет к изменениям в поведении.

Опыт СССР показал, что его разрушение шло по линии массовой культуры и продуктов массового потребления. Область идеологии надежно охранялась, поэтому «иное» пришло через менее охраняемые каналы влияния. Молодежь слушала западную музыку, смотрела западные фильмы, ходила в джинсах. Она жила как бы в другом мире, физически находясь в советском.

Воздействие на массовое сознание идет, как правило, сквозь воздействие на целевые группы, которые на следующем шаге будут воздействовать на все население. Такой подход полностью соответствует теоретически проработанным вариантам воздействия. С одной стороны, это теория гегемонии А. Грамши, в рамках которой правящий класс удерживает нужную виртуальную модель мира с помощью интеллигенции, продукция которой базируется на модели мира доминирующего класса, а значит, служит упрочению сложившегося положения вещей.

С другой стороны, это приход либеральной экономики на Западе, развернутая кампания по продвижению которой, направляемая Хайеком, в свое время заменила госкапитализм Рейгана и Тэтчер. Здесь также основной была роль интеллектуалов как работающих с чужими идеями и распространяющими их.

Интеллигенция/интеллектуалы не только занимают позиции в публичном дискурсе, но и их основной работой является тиражирование своих и чужих мыслей, причем часто трудно отделить свое от чужого, поскольку все они находятся в рамках определенных школ и догм, действуя в их русле.

Г. Шпеер, немецкий эмигрант, работавший после войны в РЭНД, видел еще более простое объяснение – рабочий повторяет поведение буржуазии, борясь за престиж [30]. А учитывая уже давно открытые, но в наше время, а не во время Шпеера, зеркальные нейроны, которые проигрывают любое физическое действие, которое мы видим, у нас в мозгу, то становится понятным, что перед нами череда заимствований, которая социально будет идти сверху вниз. Хотя некие революционные события могут менять направление такого социального повтора, но они бывают редко.

Виртуальные войны прошлого в продвижении и удержании религии или идеологии были очень успешными, хотя и достаточно кровавыми. Они активно опирались на физическую составляющую принуждения, и это заставляло подчиняться тело человека, но не всегда – его душу или разум. Они боролись за его разум или душу мечом и сладкими речами, хотя реальные миссионеры, обращавшие в христианство в далекие времена, достигали успеха только тогда, когда обращаемый чувствовал мистический огонь у себя в душе.

Сегодняшние войны имеют часто не религиозные или идеологические цели, а банальные экономические. Но и первые, и вторые, и третьи направлены на гомогенизацию населения,

поскольку удерживать разнообразие часто или неинтересно политически, или экономически невыгодно. Мир естественным образом стремится к единообразию. Мы читаем одни политические новости, смотрим те же сериалы, обсуждаем те же спортивные события или новости шоу-бизнеса. В результате любая страна живет все меньше своей собственной жизнью, большой объем новостей отдается под события извне. Как следствие, мы не знаем своих соседей по лестничной клетке так, как знаем жизнь какой-нибудь американской кинозвезды, когда со всех каналов мы слышали, например, что Анджелина Джоли родила двойню.

Гомогенизация мира резко усилилась с приходом социальных платформ, поскольку они выводят управление информационными потоками из-под всевидящего ока государства. И демократическое, и авторитарное государства хотели бы все контролировать. Они однотипно не любят неподчинения. По этой причине приход социальных платформ типа Фейсбука меняет правила игры не только для авторитарных, но и для демократических государств. Они привнесли даже новую профессию – «тролля» – как оплачиваемого участника, пишущего по заданию в социальных медиа. А если тролли еще скрываются за анонимностью или чужой индивидуальностью, то, когда они действуют коллективно, они начинают представлять собой серьезную опасность. Коллективный тролль становится сильным, как обычные медиа, продолжая сохранять анонимность как свою, так и своего заказчика. А анонимного игрока в его действиях ничего связать не может.

И даже с негативом, который они принесли и продолжают нести, ибо, как пишет один из авторов «New York Times», нам некуда больше пойти [31]. Соцмедиа едины в своем позитиве и в своем негативе. И даже последние электронные вмешательства в выборы в США и Европе не стали последней каплей.

Нам песня, то есть виртуальность, и строить, и жить помогает, поскольку с ее помощью интерпретируется и реинтерпретируется действительность. Человек всегда нуждается и нуждался в переходе от хаоса к порядку. Даже соответствие порядка действительности стоит на втором месте, первым является упорядоченная картина мира вокруг нас. Именно в целях упорядочивания всегда возникают «враги», которые мешают идти вперед семимильными шагами.

Виртуальность помогает нам жить не в физическом мире с его недостатками и проблемами, а в мире идеальном, где все хорошо, а если и не хорошо, то только временно, и завтра все будет по-другому.

Виртуальные миры разных стран могут объединяться в цивилизации. С одной стороны, это усиливает нашу виртуальность, поскольку мы становимся сплоченными, у нас увеличивается число защитников нашей виртуальности. С другой – усиливается и такая же параллельная, но другая цивилизация, поэтому конфликты с ней могут становиться более опасными. Но без виртуальности никак нельзя, нам без нее не прожить. Как вообще считает Ю. Харари, оперирование виртуальностями является единственным, что отличает человека от животных.

Литература

1. Cosgrove-Mother B. Iran's answer to Barbie // www.cbsnews.com/news/irans-answer-to-barbie/.
2. Thompson C. Ken and Barbie, Not Welcome in Iran // clearingcustoms.net/2012/03/22/ken-and-barbie-2/.
3. Bailey C. Muslim «Barbie and Ken» dolls created by Iranian government // www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/3071622/Muslim-Barbie-and-Ken-dolls-created-by-Iranian-government.html.
4. History of Iranian animation // en.wikipedia.org/wiki/History_of_Iranian_animation.
5. The Iran project // theiranproject.com/blog/tag/institute-for-the-intellectual-development-of-children-and-young-adults-iidcya/.

6. Karimi N. a. o. New Iranian animated film shows Iran destroying the US Navy with rockets, quips // www.businessinsider.com/new-iranian-animated-film-shows-iran-destroying-the-us-navy-with-rockets-quips-2017-3.
7. Alijani E. The mysterious origins of Iran's animated anti-Israel films // observers.france24.com/en/20140519-iran-mysterious-israel-cartoons.
8. Yaakov Y. Persian film shows nuke war with Israel // www.timesofisrael.com/persian-clip-shows-nuclear-war-with-israel/.
9. Иранский телеканал замазал сосцы волчицы на эмблеме футбольного клуба «Рома» // meduza.io/shapito/2018/04/06/iranskiy-telekanal-zamazal-sostsy-volchitsy-na-embleme-futbolnogo-kluba-roma.
10. Наготу античных статуй в Риме скрыли от президента Ирана // meduza.io/shapito/2016/01/26/nagotu-antichnyh-statuy-v-rime-skryli-ot-prezidenta-irana.
11. Иранское телевидение прикрыло чересчур откровенное платье Шарлиз Терон на «Оскаре». Но вышло не очень // medialeaks.ru/0103stost-iranskoe-televidenie-poschitalo-plate-sharliz-teron-na-oskare-slishkom-otkrovennyim/.
12. Александров Д. Кто такой архимандрит Венедикт Цирковый, спевший «Мурку» в храме, и что еще о нем известно // medialeaks.ru/0504dalex-murka/.
13. Гурьянов С. Спевшего «Мурку» священника «сослали» в Тирасполь // vz.ru/news/2018/4/4/915950.html.
14. Beech H. How China Is Remaking the Global Film Industry // time.com/4649913/china-remaking-global-film-industry/.
15. Cox D. Why Hollywood kowtows to China // www.theguardian.com/film/filmblog/2013/mar/11/hollywood-kowtows-to-china.
16. Landreth J. Hollywood and China: In Figures // www.theatlantic.com/china/archive/2013/11/hollywood-and-china-in-figures/281222/.
17. Zhu Y. Film as soft power and hard currency: The Sino-Hollywood courtship // cpianalysis.org/2017/07/05/film-as-soft-power-and-hard-currency-the-sino-hollywood-courtship/.
18. Lu Z. How Washington's allegations of 'overseas influence' shifted to China from Russia // www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2126927/how-washingtons-allegations-overseas-influence-shifted.
19. Rogin J. Russia grabbed our elections; China is taking the rest // www.miamiherald.com/opinion/op-ed/article189265619.html.
20. Rogin J. China's foreign influence operations are causing alarm in Washington // www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/chinas-foreign-influencers-are-causing-alarm-in-washington/2017/12/10/98227264-dc58-11e7-b859-fb0995360725_story.html?utm_term=.f38f04cc788d.
21. Moore S. «America First» surrenders the world to Chinese influence // thehill.com/opinion/international/373334-america-first-surrenders-the-world-to-chinese-influence.
22. Sheetz M. Trump: «We are not in a trade war with China, that war was lost many years ago» // www.cnbc.com/2018/04/04/donald-trump-we-are-not-in-a-trade-war-with-china-we-lost-that-war-many-years-ago.html.
23. Walker C. a. o. From «Soft Power» to «Sharp Power»: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World // Sharp power. Rising authoritarian influence – www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence-Full-Report.pdf.
24. Sheikh H. a. o. Sacred values in the Israeli – Palestinian conflict: resistance to social influence, temporal discounting, and exit strategies // sites.lsa.umich.edu/satran/wp-content/uploads/sites/330/2015/10/nyasssheikh_etal_2013_proof.pdf.
25. Gingesand J., Atran S. Sacred Values and Cultural Conflict // sites.lsa.umich.edu/satran/wp-content/uploads/sites/330/2015/10/michelejgelfand_ch06_copy_2.pdf.

26. Sheikh H. a. o. Religion, group threat and sacred values // journal.sjdm.org/12/12305/jdm12305.pdf.
27. Dehghani M. a. o. Sacred values and conflict over Iran's nuclear program // journal.sjdm.org/10/101203/jdm101203.pdf.
28. Project: Neurobiology of Narrative Framing // narrative.ict.usc.edu/neurobiology-of-narrative-framing.html.
29. Gimbel S. I. a. o. Neural responses to narratives framed with sacred values // people.ict.usc.edu/~gordon/publications/SFN13.pdf.
30. Bessner D. Democracy in Exile. Hans Speier and the Rise of the Defense Intellectual. – Ithaca – London, 2018.
31. Nicas J. They tried to boycott Facebook, Apple and Google. They failed // www.nytimes.com.

3. Особенности виртуальных интервенций

Воздействие на разум несут смыслы, поскольку они существуют не сами по себе, а за ними стоят целые виртуальные системы. Усвоение одного из смыслов на следующем шаге вводит в действие всю систему, связанную с ним. Но виртуальность сама по себе прийти не может, она является контентом, который может принести либо объекты физического пространства, либо информационного. Например, человека поразила статуя, что в результате привело его к религии. Здесь смыслы были вложены в особую физическую структуру. А если представить себе не сегодняшнего человека, а человека средневековья, то понятно, что собор даже как чисто физический объект должен был произвести на него ошеломляющее впечатление своими размерами, своим величием.

Однако более четким и более выгодным является передача смыслов через информационное пространство, которое, собственно говоря, и было создано для такой передачи. Ведь не зря письменностью в далеком прошлом владели только жрецы. Отдельный человек никогда не мог быть сильнее зафиксированного в больших объемах коллективного знания, поскольку мог обладать только его малой частью. А коллективное знание уже может контролироваться, когда часть его будет уводиться из поля внимания, а часть, наоборот, максимально акцентироваться. Так всегда происходит в религии и идеологии в их взаимоотношениях с массовым сознанием.

Виртуальные интервенции не трактуются получателями принципиально как интервенции, поскольку инструкция по программированию поведения спрятана там за высоким барьером эмоциональности, как, например, это происходит в телесериале или видеоигре. Информация идет фоновым сообщением, а зритель следит за сюжетом как за основным сообщением.

В Университете Южной Калифорнии создан Центр Нормана Лира, который, с одной стороны, отслеживает влияние кино- и телепродукции на каждодневную практику людей в сфере здорового образа жизни [1–5]. С другой стороны, здесь сводят вместе продюсеров, сценаристов, медиков и благотворительные организации, чтобы такие нужные «кванты правильного поведения» сознательно оказывались на экране, причем не нарушая сюжетной линии.

Влияние экранной информации изучают сегодня многие [6–7]. Например, исследование показывает корреляцию того, что частые зрители медицинских сериалов испытывают большую боязнь хирургических операций, чем другие пациенты.

Такая «закодированная» в ткань киноповествования информация воспринимается автоматически, по этой причине она не может вызывать сопротивления у зрителя.

Точно так кодируют нас и «высокого» уровня коммуникации, сопровождающие действия религиозных и идеологических структур, которые достаточно частотно проявляли себя в истории человечества. Они завышают свои смыслы, превращая их в сакральные, которые защищены от любых трансформаций. Человек в этом случае «прикасается» к иной нематериальной действительности.

При этом и подобные «высокие» коммуникации также могут навести на негативные цели. Российский историк А. Кузнецов говорит: «Пока народ будет получать удовольствие от таких вещей, как присоединение Крыма, а не от того, что у него растет реальное благосостояние, страна обречена. Это просто замкнутый круг какой-то. Если сейчас в общество будет вброшена какая-то мессианская идея, боюсь, это будет злая идея. Потому что для реализации злой идеи требуется гораздо меньше ума и сил» [8].

Смысловые интервенции должны избирать такую точку воздействия, которая вызовет наименьшее сопротивление, но приведет к нужной цели. Это может быть даже первый шаг, из которого массовое сознание само сделает вывод.

Кстати, современные избирательные технологии привели к определенному вырождению политики, поскольку кандидаты теперь говорят слова, которые просчитаны как такие, что не

вызовут отрицательной реакции у избирателей. В том числе и это стало причиной прихода популизма в странах Европы и США, поскольку избиратели наслаждаются услышанным и зачарованно идут голосовать.

Последние вмешательства в выборы не только в Америке, но и в Европе сталкивали противоположные точки зрения, создавая у избирателя ощущение хаоса в стране [9-12]. Это и стало результатом массового прихода к власти популистов, поскольку население испугалось хаоса.

Такая ситуация уже была в истории – это парижские студенческие волнения в мае 1968. Де Голль объявил тогда внеочередные парламентские выборы, и обыватель, увидев разгул хаоса, проголосовал правильно – за партию порядка, то есть де Голля.

Хаос ведет либо к восстановлению порядка, либо к революции, поскольку жить в хаосе не хочет никто (см. историю протеста 1968 г. [13–17]).

В прошлом подобные дезинформационные кампании были важным инструментарием советских спецслужб [18]. При этом основным условием достижения успеха, как сказал Л. Биттман из разведки Чехословакии, является следующее: «любая дезинформация должна хотя бы частично соответствовать действительности и ожиданиям публики» [21]. Свою книгу он начинает с констатации того, что советский аппарат пропаганды и дезинформации являлся самым крупным и наиболее эффективным в мире. А в разведке Чехословакии он был заместителем начальника отдела активных мероприятий до своего перехода на Запад в 1968 г., после входа советских войск. Кстати, эта ситуация входа очень похожа на Крым, поскольку у себя дома чехи также не могли оказывать сопротивления.

Биттман отмечает, что советские офицеры КГБ были более натренированы в области культуры и языка/диалектов страны, чем американцы, поэтому у них всегда образовывался более широкий круг контактов.

Он приводит мнение И. Агаянца, который возглавлял такое же подразделение активных мероприятий в КГБ СССР: «Иногда я удивляюсь, как легко играть в эти игры, если бы у них не было свободы прессы, мы были бы должны придумать ее для них».

Мне встретилось его интервью 2017 года, когда уже под именем профессора на пенсии Ларри Мартина он живет в Рокпорте штата Массачусетс [22]. Он говорит, что для того чтобы дезинформация смогла изменить мир, необходимо иметь историю, правдивую на 60, 70 или даже 80 процентов. Даже образованные люди купятся на нее, если она усиливает их уже существующие представления.

Л. Биттман считает, что хотя элемент правды и есть, но дезинформация создается так, чтобы привести в результате к ложному выводу. Он приводит такой реальный пример времен холодной войны. Спецслужба нашла несколько сотен немцев, которые бы хотели эмигрировать. Им дали такую возможность, взяв с них согласие, что они станут шпионами. Попадая за границу, большинство из них сразу же призналось в том, что они шпионы. Но реально они были фиктивными шпионами, поскольку их использовали лишь для того, чтобы увести внимание от реальных шпионов, уже работающих в стране.

По поводу сегодняшней ситуации он говорит, что Путин занимается обманом: «Россияне думают на перспективу. Сегодня вместо подделок они используют хакерство. Это может быть особенно эффективно, поскольку подлинные документы, обычно личные эмейлы, могут подтолкнуть конкретную повестку дня. Дезинформация и пропаганда существовали всегда, но редко обманщики имели такую высокую поддержку».

О чем здесь идет речь? Успешность связывается с имеющейся в голове предрасположенностью, то есть с виртуальной картиной мира в первую очередь. Это однотипно слухам, которые получают распространение, когда соответствуют представлениям или желаниям населения. Слух о Романове, пользующимся царским сервисом на свадьбе дочери, который запустило ведомство Андропова, соответствовал ожиданиям граждан о типе жизни членов Политбюро.

Понятно, что легче изменить в имеющейся картине мира малую ее часть, чем всю картину мира. Именно так и строилась дезинформация КГБ. Именно такими были российские виртуальные интервенции в избирательную кампанию США. Это были ценностные столкновения граждан, которых удалось вывести на улицу друг против друга: за мигрантов – против мигрантов, за ислам – против ислама. Это не столкновение разных информационных картин мира, это столкновение разных виртуальных картин мира.

Если мы возьмем современную украинскую социологию, то видим ту же проблему сохранения старой виртуальной картины мира, которая выражается в неприятии следующих ограничений, возникших в результате военного конфликта [23–25]:

- 44 % опрошенных не поддерживают запрет российских телеканалов (поддерживают – 37 %),

- 46 % не поддерживают запрета российских социальных сетей (поддерживают – 30 %),

- 53 % не поддерживают запрета российских фильмов и актеров (поддерживают – 29 %).

Соответственно, не столь однозначны и причинно-следственные связи войны. Если мнение запада Украины коррелирует с мнением власти, а на востоке и юге, например, считают, что войну начала Россия, только треть опрошенных, а 17–18 % перекладывают вину на Украину. То есть виртуальные картины мира разных регионов Украины разнятся. Плюс к этому надо добавить, что по большинству острых вопросов треть опрошенных выбирала ответ «не определился».

Эти же тенденции присутствуют в поддержке квот на украинский язык в эфире радио и телевидения: поддерживают – 33 %, не поддерживают – 43 %. На западе – 50 % поддерживают, 24 % – против, в центре – 36 % за, 39 % – против, юг и восток – 57 % и 67 % – против, поддерживают – 22 % и 14 %. Это снова диагностические параметры, косвенно отражающие ту или иную картину мира человека.

Мы видим, что именно виртуальный мир вносит несовпадение. Поскольку по информационному миру есть почти полное совпадение, так как война есть для всех. А вот объяснение ее как постановка в тот или иной нарратив становится разной.

Все это требует соответствующей работы. Однако чисто пропагандистские тексты, когда пропаганда становится содержанием виртуального продукта типа кино или телесериала, здесь не помогут. Они имеют воздействующую силу, скорее, на тех, чье мнение совпадает с мнением создателей.

Виртуальные интервенции могут прийти из литературы. Есть множество примеров, когда литературные герои создавали в результате в массовом сознании те или иные типы поведения, которых придерживался данный литературный герой.

Причем переходы могут быть как к негативному, так и позитивному поведению. Известен феномен роста самоубийств молодежи после прочтения «Страданий юного Вертера» Гете и «Бедной Лизы» Карамзина. Кстати, известен феномен роста числа самоубийств после сообщений о самоубийстве в СМИ. Даже была найдена корреляция с числом автомобильных аварий, которую объясняют тем, что водитель в глубине души хочет умереть.

Причем действуют и тексты нашего времени. Так, демонстрации 2018 г. в США после очередного школьного расстрела в Паркленде пестрели плакатами с отсылками на Гарри Поттера. Автор BBC, кстати, в рубрике «книги» цитирует высказывание Шарлотты Альтер из журнала «Time», которая написала в своем Twitter'e: «Это не просто поколение, которое выросло с выстрелами в школах – это также поколение, которое выросло, читая Гарри Поттера» [26–27]. То есть виртуальное побеждает информационное в этой ситуации.

Молодежь является важной целевой аудиторией. Именно этим объясняется изучение, к примеру, миллениалов, их целей и интересов. И это делают не только бизнес и политика, но даже сфера национальной безопасности [28]. В отдельной главе анализируется, как именно это поколение обрабатывает и использует информацию: «Миллениалы, которые постоянно вклю-

чены в новости и социальные медиа, также предпочитают открытые коммуникации и постоянную обратную связь с командами и организациями, в которых они участвуют. Они предпочитают быстрые ответы на вопросы, у них есть неотложное чувство непосредственности, им не нравится медленное движение организаций, которые не находятся на переднем крае в использовании технологий. Когда они получают информацию, они хотят делиться ею и обсуждать ее. Миллениалы не будут принимать политику организаций, которые ограничивают доступ к информации, эта тенденция прямо противоположна политике и мышлению разведки».

Миллениалы идут во власть, в ближайшие десять лет они станут основной работающей силой. По этой причине они и интересны представителям сферы национальной безопасности.

Юность, в принципе, носит временный характер. В девятнадцатом веке молодые того времени создали институты, которые помогли защитить молодых двадцатого столетия [29]. Такая же ситуация будет наблюдаться и в будущем.

С другой стороны, это целевая аудитория, которая может нести нужные смыслы в массы, причем они легко убеждаемы и не имеют жесткой приверженности идеям, закрепленным в прошлом, поскольку этого прошлого у них не было. И самое главное, у них нет того объема отрицательного опыта, который накоплен у старших поколений. Они готовы дерзать и побеждать.

Контексты, в которых растет это поколение, предопределяют будущее. По этой причине, например, российский «Военторг» решил заменить Snickers и Coca-Cola в российской армии. Его директор заявляет: «Неправильно, когда у военнослужащего в воинской части самый любимый напиток – это Coca-Cola, а самый любимый батончик – это Snickers. Это наша задача. Пока на Coca-Cola не замахнулись, но на батончики замахиваемся. Надеюсь, что в ближайшее время мы сможем это сделать» [30].

Виртуальность активно работает с воображением. Ведь все изобретения и инновации, с одной стороны, а также революции с другой, являются результатом работы именно воображения. И это должны учитывать государственные деятели. Например, министр иностранных дел Великобритании Б. Джонсон заговорил о силе воображения даже в контексте отравления Скрипаля: «В этом и есть разница между современной Великобританией и правительством Владимира Путина. Они создают «Новичок», а мы создаем световые мечи. Первое – ужасное оружие специально для убийства, второе – вымышленный реквизит, который странно гудит. Но какое из этих орудий более эффективно в современном мире? Какое принесло больше пользы для экономики? Какое поразило воображение трех поколений детей и заработало миллиарды? Какое из них можно подарить, а какое можно только презирать? Могу вас заверить, что арсеналы нашей страны забиты не ядом, но чем-то более мощным: силой воображения, изобретения и инновации, которая возможна в свободном обществе, где мы с вами живем. Именно эта сила одержит верх» [31].

Мир завтрашнего дня уже стоит у порога, а в некоторые страны он уже даже пришел. Виртуальные интервенции могут ускорить его приход в ту или иную страну, а могут – отстрочить. И уходящая вперед страна не будет оглядываться на отстающих, потому что она будет уже в другом мире, и ее не будут интересовать отдаленные полустанки.

Литература

1. Hollywood, health and society // hollywoodhealthandsociety.org/.
2. Impact studies // hollywoodhealthandsociety.org/impact-studies.
3. Highlights: Hollywood and Dine // hollywoodhealthandsociety.org/highlights-hollywood-and-dine.

4. The Food We See, The Food They Eat: The Image of Food in Entertainment // hollywoodhealthandsociety.org/sites/default/files/attachments/page/The%20Food%20We%20See%20Report.pdf.
5. Fake News, Real Knowledge: The Impact of Food and Nutrition Messages on The Daily Show with Jon Stewart // hollywoodhealthandsociety.org/sites/default/files/attachments/page/Fake%20News_Real%20Knowledge%20Report.pdf.
6. Witzel K. a. o. Impact of Medical TV Shows on Preprocedural Fear of Surgical In-House Patients // *European Surgery Research*. – 2017. – Vol. 58. № 3–4.
7. Gilkes M. Medical drama shows – good or bad influence on everyday practice // www.ausmed.com/articles/medical-tv-dramas/.
8. Волошина В. «Для злой идеи требуется гораздо меньше ума и сил». Мешает ли «советский человек» развитию страны // www.gazeta.ru/comments/2017/11/18_a_10992854.shtml.
9. Guimon P. «Brexit wouldn't have happened without Cambridge Analytica» // elpais.com/elpais/2018/03/27/inenglish/1522142310_757589.html.
10. Zafra I. «Putin's goal is for Europeans to lose faith in their democratic institutions» // elpais.com/elpais/2018/03/23/inenglish/1521798651_320278.html.
11. Померо А. Мы выявили аномалии, анализируя общественное мнение в Каталонии // www.inopressa.ru/article/30mar2018/elpais/media.html.
12. The construction of anti-immigration electoral messages in Italy // www.alto-analytics.com/en_US/the-construction-of-anti-immigration-messages-in-italy/.
13. Steinfels P. Paris, May 1968: The revolution that never was // www.nytimes.com/2008/05/11/world/europe/11iht-paris.4.12777919.html.
14. Grundy C. J. Why did students and workers protest in 1968? // historyhub.info/students-workers-protest-1968/.
15. Poggioly S. Marking the French Social Revolution of '68 // www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=90330162.
16. 1968 Protests mount in France // www.history.com/this-day-in-history/protests-mount-in-france.
17. History of French protests // news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4865034.stm.
18. Профессиональные лгуны: Особое бюро по дезинформации // zen.yandex.ru/media/wearewatchingyou/professionalnye-lguny-osoboe-biuro-po-dezinformacii-5a8ac6159e29a2a27355268f.
19. Boghardt T. Soviet Bloc Intelligence and Its AIDS Disinformation Campaign // www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol53no4/pdf/U-%20Boghardt-AIDS-Made%20in%20the%20USA-17Dec.pdf.
20. «СПИД. Сделано в США»: Как советская пропаганда «возлагала» на Америку вину за появление чумы XX века – история спецоперации // newsader.com/44026-spид-sdelano-v-ssha-kak-sovetskaya-prop/.
21. Bittman L. The KGB and Soviet disinformation. An Insider's view. – Washington etc., 1985.
22. Flam F. How the pros make fake news (Soviet style) // www.post-gazette.com/opinion/Op-Ed/2017/03/05/How-the-pros-make-fake-news-Soviet-style/stories/201703050082.
23. Протидія російській пропаганді та медіаграмотність: результати всеукраїнського опитування громадської думки // detector.media/infospace/article/136017/2018-03-27-protidiya-rosiiskii-propagandi-ta-mediagramotnist-rezultati-vseukrainskogo-opituvannya-gromadskoi-dumki/.
24. Протидія російській пропаганді та медіаграмотність: результати всеукраїнського опитування громадської думки // detector.media/doc/images/news/archive/2016/136017/AReport_Massmedia_Feb2018_v2.pdf.

25. Закусило М. Українці дивляться ТБ, не довіряють, не перевіряють, але продовжують дивитися – дослідження «Детектора медіа» та КМІС // detector.media/infospace/article/136076/2018-03-28-ukrainsi-divlyatsya-tb-ne-doviryayut-ne-perevirayut-ale-prodovzhuyut-divitisya-doslidzhennya-detektora-media-ta-kmis/.
26. Sklar R. Harry Potter inspired the Parkland generation // www.cnn.com/2018/03/26/opinions/parkland-march-harry-potter-generation-opinion-sklar/index.html.
27. Anderson H. How Harry Potter became a rallying cry // www.bbc.com/culture/story/20180326-the-links-between-harry-potter-and-millennial-protest.
28. Weinbaum C. a. o. The millennial generation. Implications for the intelligence and policy communities. – Santa Monica, 2016.
29. Grinspan J. Can teenagers save America? They've done it before // www.nytimes.com/2018/03/26/opinion/teenagers-gun-rally.html?hpw&rref=opinion&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region&ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.
30. «Военторг» хочет заменить в российской армии Snickers и Coca-Cola своими продуктами // tass.ru/armiya-i-opk/5072093.
31. Джонсон Б. «Они создают «Новичок», а мы создаем световые мечи» // meduza.io/feature/2018/03/29/oni-sozdayut-novichok-a-my-sozdaem-svetovye-mechi-boris-dzhonson-rasskazal-pochemu-mir-protivostoit-rossii.

Глава вторая

Использование виртуальности

1. Игры взрослых людей, или виртуальность и ее моделирование с помощью политических игр

Виртуальность – это не только религия или идеология. Это любое продвижение той или иной картины мира в когнитивное пространство индивидуального или массового сознания. Это внесение изменений в картину мира человека, как это происходит во время конкурентных выборов или даже просто с помощью чтения книги, как это произошло с «Гарри Поттером», когда поколение прочитавших эти книги стало более спокойно относиться к стигматизированным социальным группам, чем перешли на позиции демократов, а не республиканцев, отдав в свое время голоса в пользу избрания Обамы президентом (см. новую информацию об использовании плакатов с Гарри Поттером на митингах после расстрелов в американской школе в Паркленде [1]).

Виртуальность моделируется в зависимости от задач. Это может быть разработка сценариев для кино и телесериалов. Это может быть разработка сценариев виртуальной реальности для терапевтических целей, чем отличается Институт креативных технологий (см., например, [2–3]). Это может быть игровая стимуляция для того, чтобы понять развитие сложной будущей ситуации в динамике.

Военные игры (симуляции) появились в Америке с подачи немецких иммигрантов, а холодная война подняла этот инструментарий на новый уровень. В момент ядерного противостояния возникла даже более сильная потребность в таком инструментарии, как и в разработке стратегии. И тут первенство было у корпорации РЕНД.

Исходно Эрих фон Манштейн, будущий генерал-фельдмаршал, организовал в 1929 году игру, в которой немцы защищались от польской атаки. В эту чисто военную ситуацию сознательно была включена политическая игра, чтобы политические и военные лидеры учились друг от друга. При этом они играли как от Лиги наций, так и от Польши, Франции и Чехословакии, что принципиально меняло процессы принятия решений ([4–6], см. библиографию работ по стратегическим играм [7]).

Япония в учрежденном в 1940 году Институте тотальной войны развивала разные варианты агрессии, проигрывая координацию армии, военно-морских сил и правительства в разных ситуациях. С приходом на пост президента Кеннеди играм придали большее значение, их стали проводить по четыре в год.

В РЕНДе был и такой американский участник, как Л. Блумфилд ([8], см. также [9–10]), который увидел важность проведения политических игр в том, что они дают возможность заранее узнать проблемные ситуации для страны в будущем. Он также видел одно принципиальное отличие от типичных военно-штабных игр, считая последние больше тактическими, чем стратегическими.

Блумфилд пишет о соотношении игрового времени с настоящим: «Время может со странной простотой сжиматься, расширяться и делаться прошлым, настоящим и будущим. Некоторые игры были направлены в будущее, чтобы избежать замешательства игроков из-за современных событий. Другие игры принимают мир таким, каким он есть, разрешая влиять на игру тем, что игроки читают каждое утро в «*New York Times*». В каждом случае есть тенденция развития шизоидной ментальности, пытающейся отделить то, что происходит в игре, от того, что есть в реальной жизни. Это, между тем, иллюстрирует степень включенности, кото-

рую индивиды получают в игре. Для того, кто не является психологическим экспертом, это не что иное, как поразительное состояние увидеть взрослых людей, отказавшихся от своих семей, забывших свои мирские обязательства и полностью включивших свои личности и интеллекты в игровую роли. Наверное, шоу-бизнес научился этому достаточно давно».

Кстати, эти ощущения в сильной степени напоминают воспоминания участников организационно-деятельностных игр Г. Щедровицкого.

Исследователи отмечают несколько конфронтаций между разными группами участников, которые стояли на пути этого инструментария. С точки зрения Д. Бесснера, это было противоречие с математиками и физиками, которые все видели исключительно сквозь возможность квантификации [4]. Создатели теории политических игр – что для понимания войны нужно знание контекстов, что не поддается числительному выражению (см. историю использования этого инструментария с другой стороны – математиков и физиков [11]). Шпееру и Голдхамеру не нравилось абстрагирование принятия решений из исторических контекстов, в которых оно происходило. Еще одной характеристикой, которая была у немецких эмигрантов, но не было у американцев, была педагогика К. Маннгейма, которая повлияла на Шпеера и Голдхамера.

У Маннгейма была интересная идея, что социальные группы соревнуются между собой за то, чтобы именно их интерпретация действительности была доминирующей ([12], см. также [13–14]).

Еще одним камнем преткновения стали трения между учеными и профессиональными военными [15]. Сторонники нового игрового подхода вообще требовали забыть о прошлом профессиональном опыте военных, что, конечно, вызывало у тех раздражение и непонимание.

После войны Шпеер вошел в проект «Троя» при госдепартаменте, который давал рекомендации по ведению психологической войны ([16], см. подробнее об этом проекте [17–18]). Шпеер работал как против СССР, так и против Восточной Германии.

Воздействовать на массовое сознание мирными способами можно исключительно через виртуальность. Она может быть материальной, как, например, известные кухонные дебаты между Хрущевым и Никсоном, основой которых стала американская кухня, представленная на известной выставке США в Москве. Это тот уровень пропаганды, видимый вашими глазами вокруг, который Ж. Эллюль определял как социологическую пропаганду горизонтального порядка в отличие от пропаганды политической, идущей сверху [19–20].

Виртуальность может получать разные формы: от телесериала до, как мы видели выше, политической игры. Человек, погружаясь в виртуальность, перенимает многие характеристики, заложенные там, тем самым как получая информацию о поведении в новых ситуациях, так и трансформируя себя самого.

Литература

1. Anderson H. The links between Harry Potter and recent protests // www.bbc.com/culture/story/20180326-the-links-between-harry-potter-and-millennial-protest.
2. Rizzo A. a. o. Virtual Reality Applications for the Assessment and Treatment of PTSD // Handbook of Military Psychology. Ed. by S. Bowles, P. Bartone. – Cham, 2017.
3. Rizzo A. a. o. Clinical Virtual Reality tools to advance the prevention, assessment, and treatment of PTSD // European Journal of Psychotraumatology. – 2018. – Vol. 8. – I. 5.
4. Bessner D. Weimar social science in cold war America: the case of political-military game // www.ghi-dc.org/fileadmin/user_upload/GHI_Washington/Publications/Supplements/Supplement_10/bu-suppl10_091.pdf.
5. Bessner D. Democracy in Exile. Hans Speier and the Rise of the Defense Intellectual. – Ithaca – London, 2018.

6. Goldhammer H., Speier H. 1959. Some observations on political gaming // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2008/P1679.pdfCASL.
7. Strategic Gaming Bibliography – History of Gaming // casl.ndu.edu/Portals/81/Documents/CASL-Strategic-Gaming-Bibliography-History-of-Gaming.pdf.
8. Bloomfield L. P. Political gaming // dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/83139/24959022.pdf.
9. Marquard B. Lincoln P. Bloomfield, 93; helped create tools to contain conflict // www.bostonglobe.com/metro/obituaries/2013/11/12/lincoln-bloomfield-mit-professor-helped-create-tools-for-international-conflict-containment/SqkjNG61kMBIHbYeCk4ogP/story.html.
10. Orbis Forum on Political and Military Gaming // ahorseofpeas.blogspot.com/2007/03/orbis-forum-on-political-and-military.html.
11. Erickson P. The World the Game Theorists Made. – Chicago, 2015.
12. Mannheim K. Competition as a cultural phenomenon // From Karl Mannheim. Ed by K. H. Wolff. – New York etc., 2017.
13. Casavecchia A. Connecting Education to Society through Karl Mannheim's Approach // ijse.padovauniversitypress.it/system/files/papers/2017_3_11.pdf.
14. Lundberg H. Karl Mannheim's sociology of political knowledge // www.e-ir.info/2013/10/26/karl-mannheims-sociology-of-political-knowledge/.
15. Ghamari-Tabrizi S. Simulating the Unthinkable: Gaming Future War in the 1950s and 1960s // Social Studies of Science. – 2000. – Vol. 30. – № 2.
16. Bessner D. M. The Night Watchman Hans Speier and the Making of the American National Security State // dukespace.lib.duke.edu/dspace/bitstream/handle/10161/7101/Bessner_duke_0066D_11739.pdf?sequence=1.
17. Project TROY // en.wikipedia.org/wiki/Project_Troy.
18. Needell A. A. «Truth Is Our Weapon»: Project TROY, Political Warfare, and Government-Academic Relations in the National Security State // Diplomatic History. – 1993. – Vol. 17. – I. 3.
19. Ellul J. Propaganda. The formation of men's attitudes. – New York, 1973.
20. Почепцов Г. Модель пропаганды Жака Эллюля // psyfactor.org/lib/propaganda28.htm.

2. Перестройка как вариант виртуальной войны

Виртуальные интервенции всегда опираются на уже имеющиеся представления, когда они являются продолжением сформированной в массовом сознании модели мира, в которую добавляется новый элемент, не нарушающий основные параметры. Однако виртуальная война в целом имеет целью полную смену модели мира, обычно в ее политическом компоненте, который напрямую связан с цивилизационным.

Серьезные изменения виртуальной модели мира встречаются в истории. Это следующие примеры, в рамках которых происходит так называемая промывка мозгов:

- тоталитарные секты,
- китайская работа с американскими военнопленными времен войны в Корее,
- христианское миссионерство,
- революции,
- тоталитарные государства.

Первые два примера характерны тем, что воздействие осуществляется 24 часа в сутки в закрытой среде, от него невозможно уклониться. Тоталитарная секта специально создает условия, понижающие уровень сопротивляемости новых членов. Это отсутствие белковой еды, не более четырех часов сна, отсутствие внешних источников коммуникации (телевизор, родители исключены).

Тоталитарные государства также являются закрытой средой, в рамках которой функционирует только информация, поддерживающая нужную модель мира. Сомневающиеся в ней изымаются и передаются на перевоспитание. Это пропаганда монологического типа, которой намного легче достичь результата, чем пропаганде диалогического типа, характерной для демократии, при которой допускаются контрмесседжи. Хотя они оттесняются на периферию, не допускаясь в мейнстримные медиа, потребитель такой информации все равно в состоянии ее найти, приложив дополнительные усилия.

Перестройку мы можем также трактовать как организованную виртуальную войну, целью которой была трансформация массового сознания населения СССР, сделанная таким образом, чтобы учесть следующее:

- а) найти точки уязвимости массового сознания,
- б) подавить сопротивление вводимым изменениям, тем самым облегчить их проведение,
- в) выделить целевые аудитории, на которые надо направить воздействие,
- г) подготовить новые «говорящие головы», которые придут на смену старым.

Систему, конечно, ломают люди, как те, что сидят наверху, так и те, которые поднимаются снизу. Но без организующей роли верхов низы не смогут прийти к результату.

На фоне отношения, возникшего за последние десятилетия к сетевым структурам, как принципиально безлидерским, неким диссонансом прозвучит такая фраза: «Прогрессисты скромно уходят от определения, что хорошо и что плохо. Восходящие, низовые и ультра-местные – популярные модные слова. Никто не ожидается во главе, по крайней мере, на бумаге [...]. Отсутствие структуры является причиной того, что движение Оссигу провалилось. Без лидерства невозможно запустить последовательные, продолжительные изменения» [1].

И стопроцентно это касается перестройки, тем более что она оказалась успешным проектом, по крайней мере, в плане разрушения прошлой структуры. Построение нового на постсоветском пространстве уже не было столь успешным. Ф. Фукуяма, выступая в Киеве, назвал, например, такую ошибку: «Главная проблема Украины и других постсоветских стран в том, что во время приватизации здесь срослись политическая и экономическая элита. Люди приходят во власть не для того, чтобы служить на благо других, но для того, чтобы побольше украсть для себя и своей семьи. Это и есть основа коррупционной схемы» [2].

Архитектором перестройки странным образом называют не М. Горбачева, а А. Яковлева. Про Горбачева в воспоминаниях чаще пишут, что никакого плана в голове у него не было. Но что касается Яковлева, то странности и необъяснимые явления сопровождают всю его биографию (см., например, не очень доброжелательный взгляд даже на его военную биографию [3]).

В ЦК Яковлев начинает работать в качестве инструктора отдела пропаганды. Понятно, что это рутинная работа в самом низу иерархии, когда ты полностью зависишь от вышестоящих. Но была и такая линия – он был интерпретатором происходящего, корректируя и наказывая отклоняющихся от генеральной линии партии. То есть это та роль, которую выполняли М. Суслов и его подчиненные, среди которых был и А. Яковлев.

Постфактум также нужны были интерпретации ключевых событий, чтобы нужная интерпретация первой оказалась в головах читателей/зрителей. В биографии А. Яковлева о его работе в ЦК был такой эпизод, что М. Суслов поручил ему написать для «Правды» объяснение причин снятия Хрущева (волюнтаризм и т. д.) до того, как это событие произошло. И в запечатанном конверте на следующий день Яковлев оставил свой текст. Это не очень понятно, учитывая достаточно низкий ранг Яковлева на тот момент, только если это не было разработкой самого Суслова, к чему он мог привлекать и своих сотрудников. Кстати, М. Суслов выступал и с основным докладом на пленуме по снятию Хрущева, что вызвало множество обсуждений на Западе [4].

Яковлев вообще дважды входил в одну и ту же реку создания виртуальностей СССР. Один раз он дошел до уровня и. о. заведующего отделом пропаганды ЦК, второй раз вообще стал «архитектором перестройки». Во всем этом много странного, например, какие такие ошибки нашлись в его статье «Против антиисторизма», если он был уже прожженным аппаратчиком уровня заведующего отделом пропаганды. Саму эту статью нужно долго читать, чтобы обнаружить намеки на ошибки. Уже первый абзац статьи дает нам полное понимание ее соответствия своему времени: «Особым смыслом исполнен приближающийся пятидесятилетний юбилей Союза Советских Социалистических Республик. Эти полвека – блестящее доказательство той истины, что история человечества развивается по восходящей линии, в полном соответствии с объективными законами общественной жизни, открытыми великими учеными К. Марксом и Ф. Энгельсом» (см. [5]). Или такая цитата: «Партия всегда была непримирима по отношению ко всему, что может нанести ущерб единству нашего общества, в том числе к любым националистическим поветриям, откуда и от кого они ни исходили бы. Одним из таких поветрий являются рассуждения о внеклассовом «национальном духе», «национальном чувстве», «народном национальном характере», «зове природной цельности», содержащиеся в некоторых статьях, отмеченных объективистским подходом к прошлому. Их примечательная особенность – отрыв современной социальной практики от тех исторических перемен, которые произошли в нашей стране за годы после Великого Октября, игнорирование или непонимание того решающего факта, что в нашей стране возникла новая историческая общность людей – советский народ».

И за эту статью Яковлева наказывают странным образом – отправляют послом в Канаду. Как мы все понимаем, людей так не наказывают, а, скорее, поощряют. Конспирологически возможно, что так был создан прецедент, чтобы ему можно было отправиться официально за пределы страны.

Одной из версий биографии А. Яковлева является интерпретация его поведения как западного «агента влияния», но это мы оставим за пределами нашего обсуждения, поскольку чем дальше уходит время, тем меньше остается живых свидетелей тех событий (см., мнение его обвинителей ([6–11], см. также коллекции разных его документов [12–13]).

Правда, точку зрения недавно скончавшегося В. Фалина придется привести, поскольку он был одним из последних живых свидетелей тех событий: «О том, что Яковлев сидит в кармане у американцев, я узнал еще в 1961 году. Мне об этом поведал один мой знакомый,

работавший тогда в КГБ СССР. Почти 10 лет Александр Николаевич работал послом СССР в Канаде. Он не был американским шпионом в обычном смысле этого слова. К тому времени, когда Горбачев стал генеральным секретарем, Яковлев был в СССР одним из важнейших агентов американского влияния. Отмечу ради правды, он был очень одаренным и умным человеком, на два порядка умнее и талантливее Горбачева. Впрочем, его хозяева за океаном тоже не были дураками и бездарями и обладали хорошим представлением о том, что творилось тогда в политических верхах СССР. А в Москве в то время председатель КГБ Владимир Крючков, собрав компрометирующие материалы на Яковлева, пришел с ними к Яковлеву в кабинет. На все расспросы Владимира Александровича Яковлев отвечал молчанием, и Крючков отправился потом на доклад к Горбачеву. Михаил Сергеевич, пожевав губами, вынес поразительное по глубокомыслию резюме. Дескать, у кого не бывает грехов молодости? Яковлев – полезный для перестройки человек, поэтому он нужен стране и его нужно пустить в большую политику. И пустили. Как козла в огород» [6].

Яковлев становится послом в Канаде, и, кстати, если продумывать конспирологическую версию, то можно отметить странное внимание М. Суслова именно к канадской компартии, поскольку партия была совершенно невлиятельной, а встречи с ее лидерами М. Суслова – регулярными [14].

Характерной для Яковлева манерой выступления была модель «и вашим, и нашим». Например, отвечая на вопросы слушателей Высшей партшколы в Москве, он, с одной стороны, заявляет, что шестая статья Конституции не нужна, но тут же звучит, что партийные организации должны остаться на предприятиях.

Эту двойственность подтверждает и Л. Сумароков, ссылаясь на разговор с академиком А. Егоровым в 1986 г., который сказал, что «Яковлев, получив большую власть, в конце концов, со своим хитроумием сам запутается и других запутает. Что и произошло. А еще было великое словоблудие. И оно очень пригодились, когда сочинялись двусмысленные перестроечные лозунги, типа «что не запрещено, то можно» [15].

В. Легостаев, выдвинув множество обвинений Яковлеву, по крайней мере одну «непонятность» объяснил – как удалось Яковлеву, вернувшись из Канады, устроиться работать директором весьма важного академического института при негативном отношении к нему Андропова, бывшего на тот момент генсеком [16]. Оказывается, в свое время Яковлев и Черненко были коллегами в отделе пропаганды, и Яковлев обратился за помощью к Черненко, который был на тот момент вторым человеком в партии.

Все это личностная линия проблемы, откуда пошла перестройка. Есть, конечно, и экономическая, и политическая. Кстати, китайцы осадили Горбачева, когда он сказал, что они пошли по его пути, дав политическую и экономическую свободы. Китайские руководители в ответ сказали, что они отпустили только экономическую составляющую, а политическую будут удерживать, и что Советский Союз поступил ошибочно.

Горбачев, по мнению В. Фалина, вообще появился в результате договоренности: «Горбачев был приведен к власти в СССР в результате сделки на самом верху. Эта сделка должна была позволить каждому из претендентов на голос в руководстве страной продолжать играть свою роль в политике СССР. Почему в 1964 году был приведен к власти Леонид Брежнев? Потому что Леонид Ильич был человеком, не способным на конфронтации. В 1964 году сложился триумвират, куда вошли Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев, председатель Президиума Верховного Совета Подгорный и председатель Совета Министров СССР Косыгин. Все они имели равные права [...]. Рядовые члены ЦК говорили между собой: в СССР правит не Брежнев, а наша доморощенная «банда четырех». В эту «банду» входили: председатель КГБ СССР Юрий Андропов, министр обороны СССР Дмитрий Устинов, главный идеолог КПСС Михаил Суслов и министр иностранных дел СССР Андрей Громыко. Называя этих людей «бандой четырех», коллеги были правы. Эта четверка по своим сусекам и растащила

всю власть в нашей стране. Вот тогда-то, в сущности, и начались упадок и агония Советского Союза» [6].

И о Горбачеве: «Главная проблема Горбачева – это отсутствие в человеке человеческой личности. Так получилось, что именно он стал главой Советского государства, и именно в то сложное время. Время, когда в СССР разрыв между словом и делом уже достиг такого состояния, что партии и правительству нельзя было более игнорировать самые элементарные запросы и чаяния советских людей. [...] Горбачев пришел к власти, не имея лично никакой программы. Его тезисом был принцип Наполеона: ввяжемся в драку, а там будет видно. После того как Михаил Сергеевич потерял себя в политике, он во что бы то ни стало пытался сохранить свое реноме или хотя бы видимость этого реноме. Он был готов платить за это, как шекспировский герой, с той разницей, что за коня в итоге отдал все царство. Горбачев был для нашей Родины жуком-короедом. Он действовал по принципу Клаузевица: Россию можно победить только изнутри. Вот и побеждал, грыз корни, а дерево сохло и умирало. Ему помогали в этом Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев и другие пристяжные к ним личности».

Охватить массовое сознание, а именно этого требовала перестройка, могут два типа институтов общества, столь же массовых. Это образование и медиа. Образование требует долгих временных сроков, оно готовит только будущие поколения. Поэтому именно медиа, тем более в структуре СССР, когда они были непререкаемыми глашатаями истины, стали главной опорой перестройки. Отсюда и дописанный к слову «перестройка» термин «гласность».

По этим причинам можно констатировать особую роль медиа в развале СССР. Людей уже невозможно было удерживать взаперти. Конечно, не было возможностей Интернета по свободному перемещению информации. Но даже телевидение расширяло возможности чтения между строк, позволяло видеть не только то, что хотели бы пропагандисты.

СССР был закрыт физически, но информационно и виртуально он был «приоткрыт», здесь, как оказалось, невозможно было удерживать «границу на замке». Информация несла иные смыслы, за которыми начинала проглядывать иная виртуальная система.

Медиа закладывали два типа ростков. С одной стороны, они создавали образ процветающего Запада, а он действительно был заманчивым, поскольку основной визуальной картинкой был Запад из кинофильмов, который никто не мог отделить от реальности, поскольку с ней не пересекался. В результате конкурировали два Запада: Запад западного кинофильма и Запад советской пропаганды. Никому в голову не приходило, что фильм тоже может быть продуктом виртуальной действительности.

С другой стороны, мощная советская система пропаганды стала заложником своих незыблемых правил, в соответствии с которыми с экрана не должны были сходить руководители партии. Поэтому отдельным компонентом развала СССР стал образ деградирующей власти времен Брежнева и персонально Брежнева, который создавался своими же медиа. Перед советским человеком развернулся не популярный в то время фильм «Старики на уборке хмеля» (художественный музыкальный фильм чехословацкого производства 1964 года), а целый телесериал «Старики во главе СССР» (производства Политбюро СССР).

Телевидение внесло свою лепту также в демонстрацию деградации советской власти, отразив во всей полноте время геронтократии. И это было бы невозможным во времена Сталина, когда газетные коммуникации качественнее отбирали нужный материал и блокировали любую другую информацию. Телевидение резко расширило возможности так называемого «чтения между строк», когда стало не чтением, а «смотрением». А у телевизоров сидели абсолютно все: и не только перед «Просто Марией», но и перед программой «Время».

Это был период исчезновения страха перед властью, страха перед репрессиями. Получалось, что советская система могла существовать только в случае жесткой власти. То есть жесткая система удерживала советскую власть, а без нее это было бы другое государство.

И даже основные перестроечные СМИ («Взгляд» и «До и после полуночи») были сформированы ЦК, КГБ и Гостелерадио для того, чтобы привлечь молодежь к экрану в момент прекращения глушения западных радиоголосов [17–18]. Обратим внимание на то, что в момент монологичности советской власти в этом не было нужды, так как ничего другого человек услышать или посмотреть не мог. Минимальная возможность появления диалога заставляет власти вдруг создать нормальное телевидение, интересное не только пропагандистам, но и населению.

Председатель Гостелерадио Л. Кравченко говорит о Горбачеве: «Весной 1991 года мы с Болдиным случайно оказались на дне рождения Михаила Сергеевича, где Горбачев с теми же самыми людьми, которые позже оказались в списке ГКЧП, открыто обсуждал три варианта введения чрезвычайного положения в стране. Долго наблюдая Горбачева, я за пару лет до ГКЧП пришел к выводу, что в его природе, в его психологии заложен опаснейший для большого политика изъян. Об этом мне рассказали и те, кто с ним долго работал в Ставропольском крае, его ближайшие сподвижники тех лет. Они говорили, что Горбачев умел подбирать команду, впитывать интересные инициативы, но для того, чтобы лавры этих инициатив были записаны за ним, возглавлял сам процесс их внедрения и, ввиду отсутствия всяких организаторских качеств, тем самым губил дело. А потом разгонял всю команду, перекладывая на нее свою вину» [19].

О создании молодежных передач, которые стали новым типом информирования населения: «В 1987 году секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев пригласил к себе первого заместителя КГБ Бобкова, Афанасьева от «Правды» и меня, и объявляет нам: «Через три месяца мы прекращаем глушить западные радиоголоса. Поэтому сейчас самое главное – убедить молодежь от тлетворного влияния Запада», – эту фразу Яковлева я записал в блокнот, который у меня цел и сегодня, – и поэтому мы должны за короткое время создать свои программы, особенно для утреннего и вечернего эфира». Я, в свою очередь, собрал у себя в кабинете талантливых ребят из молодежной редакции и предложил им сделать эти музыкальные информационно-развлекательные программы. Смелые по сюжетам и фактам, неожиданные по интерпретации этих фактов». В результате именно так было создано одно из орудий разрушения страны, причем снова с помощью А. Яковлева.

Правда, Кравченко защищает себя тем, говоря, что при процессах разрушения это были уже другие «взглядовцы», они на тот момент стали депутатами. И у них были дополнительно и другие документы. Он вспоминает: «Между прочим, после падения ГКЧП именно съемочная группа «Взгляда» во главе с одним из ведущих программы (Кравченко просил не называть имя) сделала самое доброжелательное интервью с уходящим в отставку главой Гостелерадио, которого тогда никто иначе, как пособником путчистов не называл. Но Леонид Петрович уверен – это интервью было обусловлено необходимостью: просто телеведущий работал на КГБ и боялся, что Кравченко об этом кому-нибудь расскажет.

– Все боялись. У нас же у каждого второго политобозревателя, и это не преувеличение – у каждого второго, – была корочка. Но я никого сдавать не стал».

У советского человека было только два пути: или стать потребителем пропагандистского потока, или уйти, как это говорится, во «внутреннюю эмиграцию», что соответствует современному «дауншифтингу». Но люди нерабочих профессий не могли уклониться от пропагандистского потока, тем более власть все время входила со своей информацией даже в свободное время человека. Нужно было посещать собрания, и если не выступать, то слушать, были придуманы агитплощадки во дворах, где вывешивались свежие номера газет. Копеечные цены на газеты приводили к очередям перед киосками Союзпечати по утрам. Разбирали, конечно, не газету «Правда», а газеты, хоть как-то отклоняющиеся от официоза. И на первом месте здесь были «Литературная газета», «Неделя», «Комсомольская правда», «Известия». Люди хотели информации и получали ее.

Историк А. Савин подчеркивает следующее в роли медиа: «Бывший председатель Гостелерадио Николай Месяцев вспоминал, что с конца 1960-х годов телевизионщикам строго предписывалось показывать Леонида Ильича втрое больше, чем остальных руководителей партии и правительства. Поначалу, когда Леонид Ильич был бодр и относительно здоров, телевизионная картинка работала в пользу улыбчивого и энергичного генсека. Но когда Брежнев стал дряхлеть, и особенно когда у него из-за проблем с зубными протезами нарушилась дикция, люди видели на экране старого и больного человека, вынужденного присутствовать на многочасовых официальных церемониях. В итоге телевидение из самого действенного инструмента пропаганды в позднем СССР постепенно превратилось в главный способ десакрализации власти и ее первого лица. И тут даже цензура не помогала. За четыре дня до своей смерти, 6 ноября 1982 года, Брежнев вручал в Кремле орден Ленина и звезду Героя Социалистического Труда председателю Гостелерадио Сергею Лапину. Во время торжественной церемонии коробочка с наградой упала на пол. Лапин поднял ее и заверил Брежнева: «Ничего, ребята вырежут из кадра». Конечно, из телесюжета для программы «Время» можно было вырезать все что угодно, но это уже никак не могло изменить укоренившегося в сознании народа образа дряхлого и немощного генсека» [20].

Андропова многие обвиняют в том, что он сознательно создал миф о диссидентской угрозе, поскольку диссиденты реально не ставили политических задач, они избрали самую мягкую форму сопротивления – этическую. Благодаря новому врагу (внутреннему) значимость Андропова возрастала (и в финансировании КГБ, и в увеличении числа сотрудников). Все это представлялось руководству страны единственной возможностью удержания власти.

Вот мнение Л. Сумарокова, который как зять Суслова винит Андропова и в его смерти: «Сегодня это, возможно, звучит, как парадокс, но реально дело обстояло так, что раздувание деятельности, посвященной диссидентскому движению, Андропову было выгодно для достижения поставленной цели. Диссиденты – это ловко разыгранная с помощью любимого им 5-го управления КГБ – «андроповская страшилка», направленная против плюрализма мнений, а в конечном итоге, против демократии и идеологии социализма в целом. «Дело» Солженицына и Сахарова – прямое порождение андроповщины» [21].

Мы разобрали, кто возглавлял процесс, откуда пришли перестроечные телепередачи. Всем понятна также особая роль медиа, когда огромный пропагандистский аппарат вдруг развернул направление своей атаки, начав стрелять по тому, что до этого столь же яростно защищал. Но все это происходило постепенно, поскольку Горбачев тоже двигался долгое время строго по ленинскому пути в своих речах, реально начав вести население в другую сторону.

У нас остался нерасмотренным только один вопрос – контента. Какой контент мог повернуть страну? Общая идея его понятна. Как и во всяком революционном изменении действует поворот на 180 градусов. Это и «кто был ничем, тот станет всем» 1917 года, это и «белое стало черным, а черное – белым», условно говоря, если Троцкий был плохим, то теперь он должен был стать хорошим.

Виртуальная война – это в первую очередь контент, причем контент системного порядка. В этом случае введение одного контрсмсла тянет за собой остальные, поскольку идет борьба с такой же виртуальной системой, где каждый элемент намертво сцеплен с другими.

Следует признать, что Советский Союз был более силен в «комфортной» борьбе с противниками, когда они не допускались до диалога. А монолог легко объявлялся победой. В то же время Западом был накоплен опыт более серьезной идеологической борьбы с СССР, который сразу пустили в дело. А. Ципко вспоминал, как А. Яковлев дал ему задание как своему сотруднику подобрать все, что известно из критики марксизма (кстати, потом Ципко становится помощником секретаря ЦК Яковлева в 1988–1990 гг. [22], его сайт – tsipko.ru).

И у него есть такое же воспоминание более позднего порядка по поводу беспокойства или боязни ЦК из-за убыстряющихся событий в соцстранах: «Помню, как-то в начале 1989, ско-

рее всего в феврале, попросил меня прийти в первый подъезд ЦК, в приемную Яковлева, его главный помощник, «правая» и «левая» рука, Николай Алексеевич Косолапов. Он только что вышел от шефа, был озабочен. «Александр Николаевич просит помочь, чем можете, – обратился он ко мне. – Нужны материалы, записки, старые, новые, где бы раскрывалась реальная картина положения в странах Восточной Европы, реальные перспективы правящих партий удержаться у власти. Шеф намерен добиваться на Политбюро пересмотра всей нашей стратегии в отношении Восточной Европы. Пора, пока не поздно, принимать серьезные решения. Иначе конец»» ([23], см. также [24]).

Это показывает нарастание проблем, которые приходилось решать, не имея для этого ни опыта, ни инструментария, поскольку старый опыт в виде танков в Праге уже был невозможен. То есть растерянность пришла и в ЦК.

Ципко интересно рассуждает о разнице между Горбачевым и Яковлевым: «Между ними была качественная разница. Я в ЦК больше общался с Яковлевым, был его консультантом. Его план тоже был абстрактным, но у него другие были интенции – он ставил задачу провести реформы, которые подтолкнут к смене советской системы. Но никто из них при этом не думал о гибели СССР! Я тоже полагал когда-то, что можно разрушить идеологию и систему, но оставить целостной страну... В этом пункте и кроется качественная разница между командами Горбачева-Яковлева, а затем Ельцина, идея которого заключалась в отказе от системы и ее разрушении благодаря распаду СССР. Горбачев и Яковлев хотели, по сути, провести контрреволюцию, когда-то не осуществленную Деникиным. Хотя Горбачев, в отличие от Яковлева, долгое время перестройку так не воспринимал. Я глубоко убежден – перестройка рождена, в том числе, и студенческими годами Горбачева, его опытом и философскими идеями, которые он почерпнул в МГУ; он решил использовать власть для облегчения участи интеллигенции» [25].

Следует признать, что связка со студенческими годами Горбачева кажется несколько натянутой, как и желание Горбачева облегчить жизнь интеллигенции. Перед ним стояла задача удержания власти, а интеллигенция никогда не была в СССР решающим фактором, даже боялись выделить ее в качестве отдельного класса.

Очень интересна его характеристика самого Горбачева: «Горбачев был стерильно советским человеком. Он долго не понимал, что без железного занавеса, без цензуры, без политического сыска советская система, которую он получил в наследство, не может существовать. Но он шел за настроениями интеллигенции, пытаясь реализовать эту мечту о некоем новом социализме. А интеллигенция в то время читала запрещенные книги Солженицына, Самиздат, Сергея Булгакова или тот же «Котлован» Платонова, была наполнена и вдохновлена идеями этой литературы. Горбачев подхватил эти настроения, имея за душой лишь несколько идей, суть которых лежала в создании невероятного коктейля – сохранение того позитивного, что имелося при советском социализме, взять то же равенство или систему соцобеспечения, и заимствование у Запада их завоеваний – их рынков, магазинов».

И мы видим еще один фактор перестройки – желание Горбачева что-то изменить, хотя и непонятно, что и как, но так, чтобы это ему не навредило. Ему и жене хотелось понравиться той же интеллигенции, а не только Западу. Горбачев выглядит как типичный собиратель «лайков», правда, в доинтернетную эпоху.

И совершенно неожиданное от А. Ципко: «Уже мало кто вспомнит, что инициатива критического переосмысления марксизма принадлежала профессору политэкономии социализма Вадиму Медведеву, а не антикоммунисту Александру Яковлеву. И что в конце 1980-х Горбачев идейно порвал с Яковлевым и ставку делал на обновленный именно Медведевым отдел пропаганды ЦК партии. В то время я лучше знал Александра Яковлева. Он сильно изменился с годами и, когда начал смотреть на Гайдара и Чубайса преданными глазами школьника, стал мне... непонятен. Но в 1988–1989 годах мы часто общались с ним в его кабинете на Старой площади, и он говорил совсем другое».

Не думаю, что он смотрел преданными глазами школьника. Просто власть в этот момент смещалась от Горбачева в новый центр, где уже восседали Гайдар и Чубайс.

Контент тоже бывает разный. Перестройка опиралась на контент массовой культуры и массовой литературы, например, мемуары Троцкого вряд ли можно считать научным произведением. Это были тексты широкого употребления, а интеллигенция, как любительница писать свое и читать чужое, активно включилась в эти процессы.

Вместо сердитых партийных функционеров, запинаящихся даже при чтении по бумажке, на телеэкраны вышли легко тараторящие, новые типы «говорящих голов», которые стали быстро перетягивать на свою сторону зрителей, привычно сидящих перед экранами в надежде понять, что же происходит.

Наиболее обсуждаемыми на тот момент фильмами были «Покаяние» Абуладзе и «Маленькая Вера» Пичула. Лидером советского проката 1989 года стала «Интердевочка» П. Тодоровского. «Покаяние» делалось скрытно в Грузии как республиканский фильм под покровительством Шеварднадзе, чтобы раньше времени его не «зарезали» в Москве.

Фильмы задают не факты, а правила, по которым живут события-факты в реальной жизни. Советский фильм не столько описывал жизнь, сколько управлял ею. Этот набор фильмов должен был положить начало новой постсоветской эре. С одной стороны, без Сталина, с другой – эры разрешенности того, что было запрещено, к сожалению, не самого лучшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.